На просьбу Фан Линя таксист сперва растерялся; но уже вскоре он отворил бардачок, достал свежую пачку берушей и стал пытаться кое-как открыть её одной рукой. Когда мужчина оглох, Фан Линь повернулся к поникшей, обнимающей свою руку девочке, и сказал громким голосом:

— Собственно, план следующий: сейчас я схвачу водителя, выпотрошу и мы съедим его внутренности. Мне желудок, тебе — кишки.

Мая выпучила глазки и поморгала.

— Хочешь желудок? — поинтересовался Фан Линь и заодно проследил за лицом таксиста в зеркале заднего вида. Тот не шелохнулся, и даже зрачки его ничуть не расширились от страха.

— Не слышит, — заключил мужчина.

— Можешь говорить, — сказал он Мае и даже предоставил ей в качестве простора, чтобы всё рассказать, выжидающую, но не требовательную тишину. Девочка ей не воспользовалась, однако. Она ещё ниже повесила голову, свела коленки и стала нервно гладить свой чёрный браслет. Фан Линь наблюдал за ней примерно с минуту; потом покачал головой.

— Ладно… — цокнул он языком. — Как знаешь.

Мая выдохнула и расслабилась; но потом её как-будто охватило чувство вины, и всю оставшуюся дорогу девочка провела молча и смотря себе на коленки. У Фан Линя мелькали мысли разговорить ребёнка, сказать какую-нибудь глупость, снять с неё этот груз, но в итоге мужчина промолчал. Ведь, честно говоря, он и сам был немного расстроен. Или разочарован. Даже, наверное, рассержен.

«Опять», подумал Фан Линь, сохраняя спокойное выражение лица. Всё это уже было раньше, и теперь повторялось опять. Точно также девочка уже молчала, пока они ехали в такси.

Ей было почему-то страшно рассказывать про свою семью.

Возможно, конечно, с ней была связана страшная тайна. Да и вообще люди не склонны говорить про свои семьи незнакомцам. Это был вопрос доверия. Вот только несмотря на то, что прошло едва ли тридцать с чем-то часов с их встречи, Фан Линь уже не был просто незнакомцем. Он был по неволе «Мастером» девочки. Но Мая всё равно ему не доверяла и ничего не говорила. Мужчине было от этого было немного неприятно.

Нет, разумеется можно было смотреть на всё это и под другим углом, размышлял Фан Линь. Возможно это он виноват, это он ей не доверяет, раз не позволяет хранить одну простую тайну. Но Фан Линю не нравилось так думать, слишком это был шаткий аргумент. Это был аргумент мужа, в телефон которого полезла его жена и обнаружила, что он ей изменяет. И разумеется муж теперь мог кричать, что она ему не доверяет, раз вообще полезла читать его сообщения, и что именно из-за её безумного недоверия он и пошёл на измену, но…

Нет. Просто нет. Каждый раз, когда Фан Линь наблюдал эту ситуацию, смотря в три часа ночи женские сериалы, слишком пьяный, чтобы переключить канал, мужчина был на стороне подозрительной жены. Не просто так, думал Фан Линь, у слов доверие и доверчивость такие разные оттенки…

— Выходим, — вдруг сказал мужчина, и как будто разбудил своим голосом девочку, которая совершенно забылась в своих мыслях. Они вышли. Вокруг простиралась парковка, где плотными рядами умещалось несколько тысяч машин. Всего таких парковок было несколько

десятков. Они напоминали соты массивного бетонного здания, которые вертикально пронзало несколько лестниц, тоже очень широких. По лестницам непрерывно сновали человеческие толпы, двумя потоками, разграниченными красными перилами, кто вниз, а кто вверх. Фан Линю даже и представлять себе не хотелось, как у всех этих людей заболят ноги, когда они поднимутся на нужный этаж. Сам он не поскупился купить поездку на лифте.

Довольно дорогом, надо заметить.

Настолько дорогом, что сперва мужчина подумывал выдать себя за инвалида, — что было не так уж далеко от правды, — а Маю, — за двенадцатилетнего ребёнка, — что тоже было вероятно, ибо кто знает, что там у неё в паспорте, — чтобы их пустили в лифт бесплатный, но потом оказалось, что бесплатный лифт давно не работает, и пришлось заплатить.

Затем мужчина долго смотрел, как один за другим за стеклянными дверцами лифта мелькают этажи парковки. Спустя почти пять минут они закончились, лифт остановился, дверцы открылись, и сразу же хлынул, как морская волна, шум толпы. Перед Фан Линям протянулось просторное, но плотное забитое людьми вытянутое помещение, которое завершалось широким, на всю стену, окном. Из него открывался вид на город.

Слева были другие лифты и лестницы — на посадочную площадку. Справа бежали кассы: 349-я, 350-я, 351-я... И почти возле каждой была очередь. Возле некоторых касс она была похожа на маленькую гусеницу, возле других — на гигантскую сколопендру, но были и совсем пустые кассы, к которым люди, разместившиеся на скамеечках, подходили в как будто произвольном порядке.

Чтобы попасть в эту «сидячую» очередь следовало купить особый жетончик. Для этого Фан Линь подошёл к небольшому встроенному в стену терминалу. Мужчина всадил в него несколько купюр, потом немного подумал и всадил ещё несколько, после чего нажал на гладкую нефритовую кнопочку. Ему выпала небольшая зелёная табличка с золотой каймой. Фан Линь её взял и вернулся к ряду сидений, где уже ожидала Мая. Мужчина сел, и они неловко замолчали.

«Как хорошо, — подумал вдруг Фан Линь, — если соришься, когда вокруг много людей и надо что-то делать».

Вскоре табличка у него в руках загорелась.

— Паспорт, — сказал Фан Линь.

Мая вздрогнула и стала мяться.

Фан Линь собирался её подогнать, ну или на крайний случай пойти пока самому купить билет, чтобы не пропадали деньги, а Мае, раз ей так не хотелось, чтобы он узнавал её имя, позволить купить свой отдельно, но в итоге мужчина кое-что подумал и просто замолчал. Мая тоже поникла. Табличка мелькала ещё примерно секунд тридцать, после чего совсем потухла. Время вышло, и теперь нужно было покупать место в очереди заново. Фан Линь встал и не говоря ни слова снова пошёл к терминалу. Мёртвую табличку он оставил на сиденье. Мая покосилось на неё с огромной жалостью в своих чёрных глазках.

Вернулся мужчина уже с двумя табличками. Одну он молча передал Мае. Она взялась за неё обеими руками. Потом, когда снова настал черёд покупать билеты, мужчина подошёл первым. За застеклённой кассой его встретила миловидная девушка с очень красными и мягкими на вид губками.

— Вот, — сказал Фан Линь, протягивая ей свой паспорт: — На «Маленький пляж».

Девушка улыбнулась, взяла его паспорт, открыла и обомлела; её красные губки слегка приоткрылись и затрепетали, как лепестки розы на ветру.

— В-вы… — залепетала девушка, но мужчина прервал её взмахом руки:

— Один билет, — произнёс он раздражённым голосом. Девушка кивнула и стала дрожащими руками пытаться срезать для него билетик.

— Ах да, ещё вот такое дело, — вдруг протянул Фан Линь: — Я тут анонимно, так что меня в базу не вносить. И вот ту черненькую девочку — тоже.

Девушка сразу кивнула. А потом напрягла свои чёрные брови и тихо спросила, есть ли у девушки тоже такой паспорт.

— Нет. Вроде… Я без понятия, — прыснул Фан Линь.

Кассирша ещё раз поклонилась и, разливая капли пота по лбу, сказала, что в таком случае она не уверена, позволяется ли ей так сделать.

— Позволяется, — сказал мужчина. Касирша помялась, но всё таки кивнула. Фан Линь отошёл и выдохнул. Одна из главных причин, почему он и Мая вообще добирались на Золотую Звезду мусоровозом — кроме того, что им нужно было поскорее убраться с мусорной луны, — была в том, чтобы имя Маи не попало в базу данных. Ведь по словам девочки, её семейка прямо сейчас её ищет, им даже помогает Федерация, а значит, чем меньше она светит свой паспорт, тем лучше.

Фан Линь посмотрел на широкое небо в дальнем окне, и на протяжённый город, в которой подобно кабелям выходили шоссе.

Затем взгляд мужчины переместился немного правее, на лестницу, ведущую на второй этаж помещения, где на железной платформе выстроились рядом всякие кафе и магазинчики.

— Пойдём перекусим, — сказал Фан Линь и повёл за собой Маю, которая как раз вернулась с кассы.

На платформе мужчина сразу присел за столик прямо у лестницы и ограждения; когда девочка присела напротив, мужчина встал:

— Куплю выпить, — и пошёл, вложивши руки в карманы. Фан Линь прошёлся вдоль пёстрых магазинчиков, и ноги будто сами привели его к дьюти-фри. Мужчина остановился и, смотря на нефритово-зелёную бутылку ликёра за начищенным стеклом, вдруг вспомнил, что вот уже целую вечность ничегошеньки не пил. А если быть точнее, его трезвость длилась уже почти два дня.

Мужчина вздохнул.

Понятное дело, он не был действительно рассержен на Маю. Как вообще может взрослый человек долго сердиться на ребёнка, который ему во внуки годиться, причём за какой-то там секрет. У него самого тоже были секреты, причём один из них Фан Линь не рассказал бы никому во всём мире. Просто мужчина понимал, что если он снова будет утишать девочку, та почувствует себя только ещё более виноватой. Но что ему делать, мужчина не знал.

А Мая меж тем совсем поникла.

Фан Линь уже давно заметил, что она была до дурости доброй.

И вот Фан Линь ломал голову и смотрел на ряды зеленовато-бурых бутылочек. Вдруг солнце выглянуло из-за облаков, и всё помещения на секунду наполнил ясный свет. Одна бутыль блеснула, и синхронно в голове Фан Линя как будто зажглась молния. Его осенило: вот оно!

Спустя минуту стеклянный столик, на который уныло пялилась Мая, вздрогнул. Девочка тоже вздрогнула.

Фан Линь, с чрезвычайно строгим выражением лица, поставил перед ней высокую нефритово-зелёную бутыль Лаобайгара (1) и сказал:

— Пей.

1. Или же «□□□□». Крепкий алкогольный напиток. Примерно 70% спирта.

http://tl.rulate.ru/book/52126/1368079